

внимания. И соорудив глубокий ров, а поверх его [т. е. по насыпи] окружив их палисадом, стали стрелять из них и в четырнадцать местах сильно повредили стены города. В результате действия метательных орудий много прекрасных домов и дворцов близ стен было приведено в негодность. А бомбардами турки привели город в смятение: с шумом и грохотом они били из них по стенам и башням. С обеих сторон люди гибли от больших и малых бомбард, баллист, больших луков и других машин. И не утихал бой ни днем, ни ночью: все время продолжались схватки, стычки и стрельба.

Надеясь легко взять город вследствие небольшой нашей численности и великого нашего утомления, эмир совершенно не давал нам возможности получить хоть какую-нибудь передышку.

Однако эта огромная и мощная бомбарда вследствие непрерывной стрельбы и вследствие того, что она была вылита из недостаточно чистого металла, — в тот момент, когда бомбардир закладывал в нее запал, разорвалась и распалась на множество кусков: и многие были убиты и ранены. Услышав об этом, эмир сильно опечалился и приказал, чтобы вместо той бомбарды сделали другую, более мощную: и до дня того турки не предпринимали против нас значительного дела. А 15 апреля из Черного моря, Никомидии и Азии прибыл и остальной его флот. Число кораблей достигало 320: из них трирем было 18, бирем 48, а остальные — до 320 — были длинные корабли и небольшие суда, экипаж которых состоял из весьма многочисленных воинов и стрелков. А было среди них и 25 быстроходных грузовых судов, нагруженных лесом, известью, камнем и другим материалом, необходимым для осады города. Однако по причине, о которой мы уже говорили, им нелегко было войти в гавань. Поэтому, пришедши с востока, они стали на якорь несколько ниже Диплокиония и почти до церкви святого Константина. Еще 10 апреля, сосчитав свой флот и сухопутное — конное и пешее — войско, эмир нашел, что трирем, бирем, монорем, быстроходных кораблей и небольших судов было у него до 420 вымпелов, а войска, которое сражалось на суше, — 258 тыс. человек. Для сопротивления им мужчин внутри города такой огромной величины было 4973, — кроме иностранцев, которых едва насчитывалось 2 тыс. А что это было так, узнал я следующим образом. Согласно приказу императора, каждый из димархов и стратигов [гражданские и военные начальники], составили по своему участку точный список всех лиц, как светских, так и монахов, способных к военной службе, указав также, какое каждый из них имел оружие для обороны. И вот каждый из димархов передал список своего участка царю. А царь приказал мне: «Дело это имеет к тебе отношение, ибо все эти сведения должны сохраняться в тайне. Итак, возьми все эти списки и сядь у себя в дом: сосчитай точно, сколько в них значится людей и какое у них оружие, а также щиты, луки и метательный инструмент». И вот, выполнив приказанное мне царем, я представил результат подсчета повелителю моему, царю, с грустью и великим унынием: и число это осталось тайным для всех, кроме меня и императора. Нашлись среди архонтов и в народе, — впрочем, таких оказалось очень немного, — и некоторые весьма негодные и трусливые люди, которые вследствие страха пред войной и другими бедствиями заблаговременно бежали из города вместе со своими семьями. Когда же обо всем этом дошло до ушей императора, он смог только застонать из глубины сердца своего.

Находился здесь [в Константинополе] и прибывший из Лигурии с двумя кораблями адмирал и господин, — человек весьма опытный, храбрый и полезный, по имени Иоанн Джустиниани, — по происхождению из благородных. Видя его опыт во всех делах, царь приказал ему быть ди-